

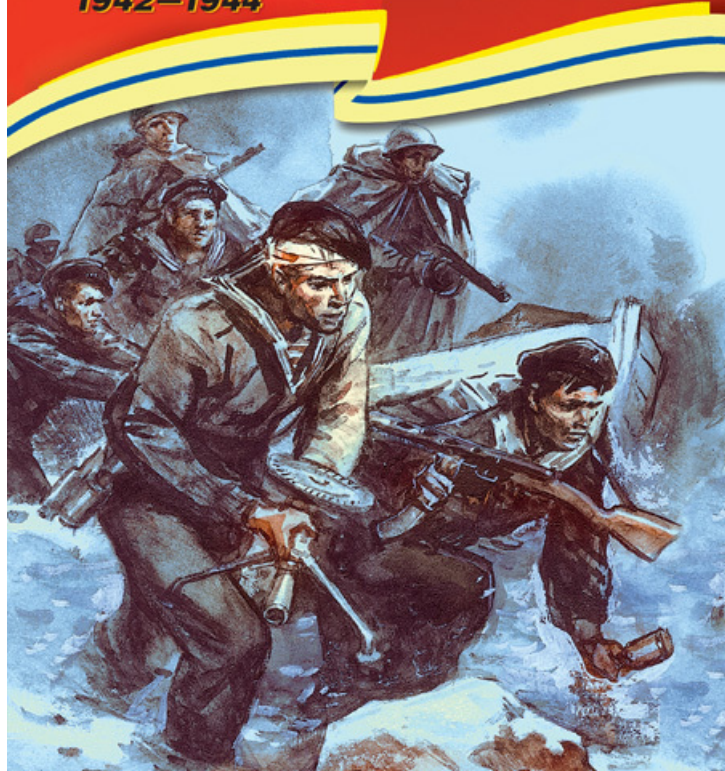

Великие битвы
Великой Отечественной

Сергей Алексеев

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ
1941—1943

СРАЖЕНИЕ ЗА КАВКАЗ
1942—1944

Сергей Петрович Алексеев
Оборона Севастополя.
1941—1943. Сражение
за Кавказ. 1942—1944
Серия «Великие битвы Великой
Отечественной», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24858047

*Оборона Севастополя. 1941 —1943. Сражение за Кавказ. 1942—1944 :
рассказы для детей / Сергей Алексеев ; худож. А. Лурье и Д. Поляков.:*

Детская литература; Москва; 2016

ISBN 978-5-08-005502-7

Аннотация

Автор – известный детский писатель, участник Великой Отечественной войны (1941–1945) – рассказывает школьникам о ее главных битвах. Шесть книг серии описывают подвиг нашего народа в освобождении родной страны и Европы от фашистских захватчиков. Третья книга серии посвящена героям Севастополя (1941–1943) и Кавказа (1942–1944).

70-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Оборона Севастополя. 1941 —1943	7
Пять и десять	11
Большая семья	15
Тройка	19
Плавучая батарея	23
Без звания и названия	26
Волшебный клинок	29
Учитель	32
Плеврит, бронхит	35
Особое задание	38
Ной Адамия	42
«Есть и будет!»	46
Выходное платье	49
Птицу в полете схватят	52
Иван Голубец	56
Новое оружие	60
Рыба севастопольского улова	64
Вещественное доказательство	68
«Крокодил»	71
Улица Пьянзина	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Великие битвы
Великой Отечественной

Сергей Алексеев
Оборона Севастополя.
1941–1943. Сражение
за Кавказ. 1942–1944:
рассказы для детей

Великая Отечественная война 1941–1945

Книги серии:

★ Московская битва. 1941—1942

★ Сталинградское сражение. 1942—1943

★ Оборона Севастополя. 1941–1943 Сражение за Кавказ.

1942—1944

★ Подвиг Ленинграда. 1941—1944

★ Победа под Курском. 1943 Изгнание фашистов. 1943—1944

★ Взятие Берлина. Победа! 1945

Художники А. Лурье и Д. Поляков

Оформление серии Е. Валерьяновой, Т. Яковлевой

Сергей Алексеев

**ОБОРОНА
СЕВАСТОПОЛЯ**

1941—1943

СРАЖЕНИЕ ЗА КАВКАЗ

1942—1944

Оборона Севастополя. 1941 —1943

Медаль
«За оборону Севастополя»

Севастополь. Город русской доблести, русской гордости, русской славы. Всем известна знаменитая оборона Севастополя под руководством адмиралов Нахимова и Корнилова в XIX веке во время Крымской войны.

В годы Великой Отечественной войны на долю Севастополя выпали новые испытания.

Еще в первые месяцы войны, когда у фашистов было больше пушек и танков, самолетов и минометов, враги прорвались к городу Севастополю.

В октябре 1941 года началась героическая оборона Севастополя. Продолжалась она 250 дней.

Много великих подвигов во имя Родины и свободы совершили отважные защитники Севастополя. О вечной славе Севастополя, о бессмертных героях севастопольской обороны и написаны эти рассказы.

Цикл рассказов завершается 1944 годом, тем временем, когда после разгрома фашистских войск на Курской дуге, а затем на Днепре советские воины ворвались в Крым и принесли свободу всему Крыму и городу Севастополю.

Пять и десять

Десять танков ползут по полю. А в обороне лишь пять матросов. Десять танков и пять матросов. Возьми бумагу, реши задачу: кто здесь сильнее, за кем победа?

1941 год. Октябрь. Фашисты прорвались в Крым, подошли к Севастополю. Начались бои на оборонительных севастопольских рубежах. Одна из фашистских танковых колонн приближалась к селению Дуванкой.

Двигались танки. За ними пехота. Место открытое. Вдруг блиндаж. Огонь ударил врагам навстречу. Минута, вторая.

И вот четыре танка горят, как порох.

Повернули назад фашисты:

– Там «черная туча»!

– Там «черные дьяволы»!

– «Черная смерть»!

«Черная туча», «черные дьяволы», «черная смерть» – так фашисты называли советских моряков. Боялись они матросов.

В блиндаже под Дуванкоем действительно были матросы. Не туча, правда. Лишь пять человек. Комсомольцы Юрий Паршин, Василий Цибулько, Иван Красносельский, Даниил Одинцов. Пятым – старшим – был политрук коммунист Николай Дмитриевич Фильченков.

Отходят фашисты:

– Там «черная туча»!

– Там «черные дьяволы»!

– «Черная смерть»!

Прошло несколько часов, прежде чем фашисты вновь начали здесь наступление. Снова танки ползут по полю. Гудят моторы. Скрипит железо.

– Ближе, подпускай ближе, – командует Фильченков. – Не торопись, ребята!

– Не торопись, Цибулько, – повторяет себе Цибулько.

– Не торопись, не торопись, не торопись, – повторяют Паршин, Одинцов, Красносельский.

– Давай! – командует Фильченков.

Полетели вперед гранаты. Полетели бутылки с горючей жидкостью. Застрочили потом пулеметы. И снова гранаты. И снова бутылки с горючей смесью.

Застыло, казалось, время. Секунды идут годами.

Вновь отошли фашисты. Переждали. Перестроились. Снова пошли в атаку. В бою матросы. В крови тельняшки. Огонь, как лава, съедает травы.

– Давай, ребята!

– Держись, ребята!

Летят гранаты. Долго длился упорный бой. Но вот у моряков вышел запас патронов. Нет больше бутылок с горючей жидкостью. Вот-вот и конец гранатам.

Тогда поднялся политрук Фильченков. Увлёк матросов вперед, в атаку. Вперед, на танки, пошли герои. Гранаты в руки. Навстречу силе. Навстречу смерти. Навстречу славе.

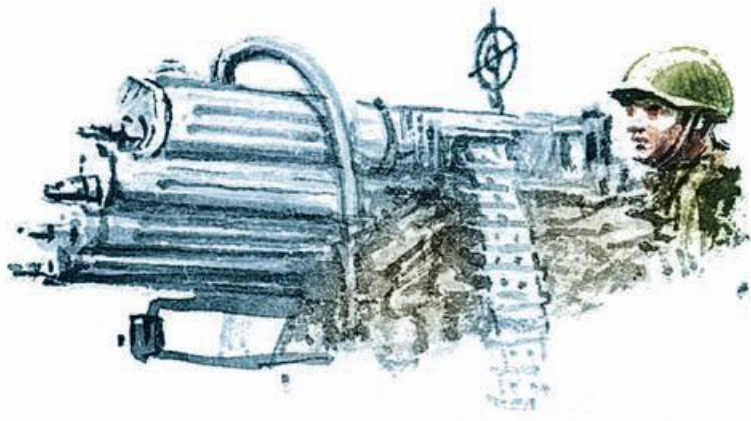
Когда к героям пробилась помощь, бой был закончен. Дымилась танки. Их было десять.

Металл и люди. Возьми бумагу, реши задачу: кто здесь сильнее, за кем победа?

Сегодня в небо под Дуванком граненым шпилем поднялся мрамор. То дань бесстрашным, то дань отважным. И сокол плавно парит над полем. Хранит он небо и сон героев.

Большая семья

Произошло это в бригаде морских пехотинцев, которой командовал полковник Петр Филиппович Горпищенко. Много отважных солдат у Горпищенко. В тяжелых боях бригада.

На одном из участков обороны бригады сложилось так, что тут против советской стрелковой роты наступало сразу три фашистских батальона. Командир роты незадолго до этого был убит. Заменял командира политрук Кочанов.

Молод совсем политрук Кочанов. Усы всего неделю как бреет.

Любопытно бойцам:

– Посмотрим, какой командир из Кочанова!

– Усы неделю как бреет!

Молод совсем командир. А тут три батальона фашистов на роту лезут.

Понимает Кочанов: выйдешь в открытый бой – сомнут, раздавят тебя фашисты.

Что же делать? Как сохранить рубеж? Задумался Кочанов, вздохнул сокрушенно:

– Пропадай моя телега, все четыре колеса. Все четыре колеса, – повторил Кочанов.

И вдруг...

– Связной! Связной! – закричал Кочанов.

Подбежал связной.

– Слушаю, товарищ политрук, товарищ командир, – поправился.

– Машины сюда, быстро!

Подогнали три грузовые машины.

– Пулеметы сюда, немедленно!

Тащат сюда пулеметы.

– Отставить. Не те. Спаренные! Отставить! Не те. Счетверенные!

Были в роте такие противозенитные пулеметы – четыре ствола у каждого. Притащили сюда пулеметы.

– Грузи!

– Залезай!

– Крепи!

Укрепили на грузовиках счетверенные пулеметы. Получились, как встарь, тачанки. Разница только в том – не на конной, на моторной «тачанки» тяге.

Поставил Кочанов «тачанки» в укрытие. Выждал, когда в атаку пошли фашисты. Вот развернулись фашисты широким фронтом. Устремились вперед, на наших.

– Атакуй! – прокричал Кочанов.

Сорвались «тачанки» с места. Рванулись врагам навстречу. Кругами пошли по полю. Заговорили огнем пулеметы. Дружно – в едином хоре. Сразу баят – двенадцать.

Побежали назад фашисты.

Снова ходили они в атаку: три батальона на советскую роту. Устояла советская рота. Удержали рубеж солдаты. Отступили опять фашисты.

Довольны солдаты. Вспоминают лихую атаку. Вспоминают Кочанова.

– Вот тебе и усы неделю как бреет.

Узнал о бое полковник Горпищенко.

– Смелых люблю, умелых уважаю, – сказал командир бригады.

Затем добавил:

– А тех, кто и смел и умел, сыном своим считаю.

Обнял он крепко Кочанова.

Много смелых, много умелых, много под Севастополем сынов у Горпищенко. Скажем прямо – семья большая.

Тройка

Подошли к Севастополю фашисты. Блокировали город с суши. Путь к Севастополю – только морем. Но и морем пути опасны.

Морские пути к Севастополю враги заминировали.

Особенно грозными были магнитные мины. Чтобы взорвалась обычная мина, корабль должен был ее задеть или на нее наткнуться. Магнитная мина взрывалась на расстоянии. Лежит на дне моря или залива такая мина, ждет, когда над

этим местом пройдет корабль. Только оказался корабль над миной – сразу страшный взрыв.

Таковыми минами и перегородили фашисты морские подступы к Севастополю.

Старший лейтенант Дмитрий Глухов вызвался проложить для наших судов проход через поле магнитных мин.

– Проложить?

– Так точно! – по-армейски чеканит Глухов.

Старший лейтенант Глухов был командиром быстроходного морского катера. Катер маленький, юркий, быстрый. Он как игрушка в руках у Глухова. Пригласил как-то Глухов своих товарищей к берегу Севастопольской бухты. Сел в свой катер. Как метеор по воде пронесся.

– Понятно? – спросил товарищей.

Ничего никому не понятно.

Снова отчалил от берега Глухов. Включил во всю мощь моторы. Вспенил катер морскую воду, понесся по водной глади. Глянешь сейчас на Глухова – словно на тройке летит по морю.

Снова Глухов причалил к берегу.

– Понятно?

– Допустим, понятно, – отвечают ему офицеры. Догадались они, в чем дело.

Предложил Глухов на своем быстроходном катере промчатся по минному полю. Уверял он, что мины хотя и взорвутся, но не заденут катер. Проскочит катер. Сзади мины

будут уже взрываться.

– Да я тут все подсчитал, – заявляет Глухов. Доложил он командирам свои подсчеты. Цифры разные на листке. – Вот скорость катера, вот время, необходимое для взрыва мины. Вот расстояние, на которое за это время от места взрыва отойдет катер, – перечисляет Глухов.

Смотрят командиры на цифры.

– Все без ошибки, – уверяет Глухов.

Посмотрели командиры на Глухова. Дали ему разрешение.

И вот катер дельфином метнулся в море. Смотрят за ним командиры. Прошел катер совсем немного. И сразу страшный взрыв. Брызги вулканом рванулись к небу.

– Погибли?!

– Волной накрыты?!

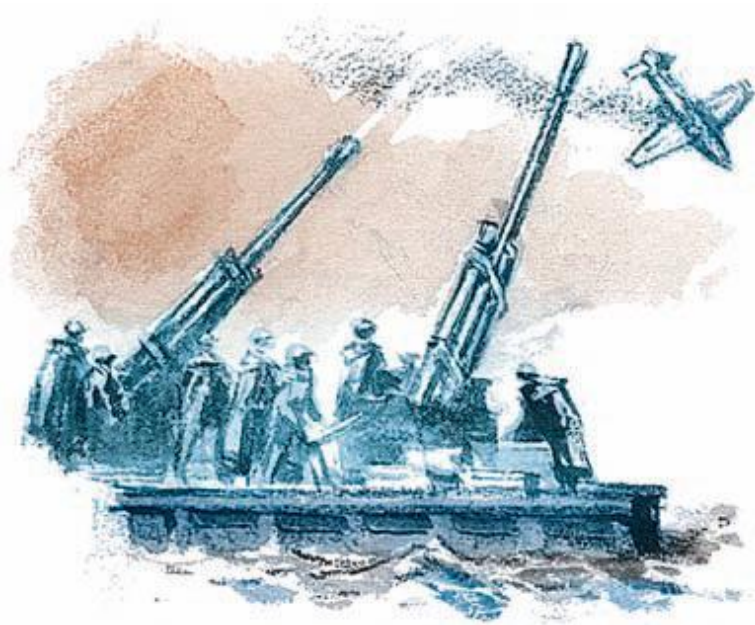
Но вот осели, как листья, брызги.

– Живы! Целы! – вздохнули с облегчением на берегу.

Мчится катер стрелой вперед. И снова взрыв. И снова к небу вода вулканом. За этим – третий, четвертый... Одиннадцать взрывов качнули небо. Открылся проход через минное поле. Развернулся катер. Помчался к берегу. Весел Глухов. Ликует Глухов. Посмотрите сейчас на Глухова. Словно не катер, а лихая тройка летит по морю.

Плавучая батарея

В ноябре 1941 года фашисты начали первое наступление на Севастополь. Три недели враги непрерывно штурмовали город. Не пробились. Не прорвались. Не взяли.

Со всех сторон Севастополь прикрывали советские артиллерийские батареи. Среди тех батарей, которые обороняли подходы к городу с моря, была и одна – плавучая. Находи-

лась батарея в открытом море на внешнем рейде. Построили ее на морском заводе. Отбуксировали подальше от берега, установили на якоре. На восемь метров в глубь моря уходила плавучая батарея. Глянешь сверху – как целый остров. 40 на 20 метров размер батареи.

Много хлопот доставляла батарея фашистам. Она не только прикрывала подходы к Севастополю с моря, но и первой начинала огонь по гитлеровским самолетам, совершавшим налеты на город. Фашисты решили уничтожить опасную батарею. Бросили против нее свои самолеты.

– Плавучая! – усмеваются фашистские летчики. – Как поплавок на воде. 40 на 20 – отличная цель. Да мы ее сразу, в один заход!

Вылетел первый фашистский летчик. Вот он в воздухе. Вот над морем. Подошел к батарее: «Ерунда. Пустяки. Я ее первой бомбой!»

Развернулся. Еще развернулся. Лег на прицельный курс. Ждут на фашистской базе возвращения самолета. Не топчутся что-то летчик. Время полета давно прошло. Удвоилось время. Утроилось. Не возвращается самолет.

Ясно на базе: недоброе что-то случилось с летчиком. И верно – недоброе. Сбили его батарейцы. Лежит он отныне на дне морском.

– Я полечу! Я докажу! – просится новый воздушный ас. – Я – сразу! Я – сразу! Да что там! Один заход!

И вот в небе летчик. Он над морем. Видна батарея.

Торжествует фашист: «Я ее – первой бомбой!» Разворот. Еще разворот. Проверил расчеты. Вошел в пике.

Ждут на базе возвращения самолета. Время полета давно прошло. Удвоилось время. Утроилось. Не возвращается что-то воздушный ас. Ясно на базе: недоброе что-то случилось с летчиком. И верно – недоброе. Сбили фашиста советские артиллеристы. Рядышком с первым утих он на дне морском.

В небо новые взмыли летчики: третий, четвертый, пятый. – Мы живо! Мы живо! Раз плюнуть – один заход!

Вот море. Видна батарея. Ринулись самолеты на батарею.

Ждут на базе прилета летчиков. Время полета давно прошло. Удвоилось время. Утроилось. Удесятерилось. Не возвращается что-то третий. Не возвращается что-то четвертый. Не видно, не слышно пятого.

Все 250 дней героической обороны Севастополя стояла на боевом посту плавучая батарея. 26 фашистских самолетов уничтожили за это время советские артиллеристы.

Но не только разили они врагов. Своих под защиту брала батарея. Многим обязаны мы батарее. «Квадратом смерти» называли ее фашисты. «Квадратом жизни» мы вправе ее называть.

Без звания и названия

Прошел ноябрь. Наступил декабрь. 17 декабря 1941 года, получив пополнение, фашисты начали второе наступление на Севастополь.

На одном из участков севастопольской обороны фашисты стали продвигаться вперед. Для отражения вражеского удара сюда был брошен батальон, срочно составленный из черноморских моряков. Пришли матросы прямо с кораблей. В

полной морской форме, с полной морской выкладкой – даже скатанные валиком корабельные матрасики принесли. Пошли в окопах слова диковинные: *бак, полубак, рында, склянки, швартовы, гюйс*. Замелькали кругом бескозырки. Зачернели кругом бушлаты.

Командовать батальоном был назначен майор-пехотинец Касьян Савельевич Шейкин.

Глянул Шейкин: хороши моряки, красивы!

И все же беспокойство не покидает майора Шейкина. Матрос не пехотинец. Сумеют ли матросы точно бросать гранаты, точно вести стрельбу? А вдруг штыковая атака, а вдруг рукопашный бой? «Эх, хотя бы день иметь для тактических занятий!» – сокрушался майор Шейкин. Однако где же здесь до тактических занятий. Наступают фашисты. Батальон тут же был брошен в бой.

Зря волновался Шейкин. Не подвели матросы сухопутного офицера. Встретили метким огнем фашистов:

– Полундра!

– Полундра!

Забросали врагов гранатами:

– Ну-ка вперед, голубушка!

– Ну-ка лети, любезная!

И снова свое:

– Полундра!

В штыки, как один, ударили.

Перевыполнили матросы даже свою задачу. Не только от-

бросили фашистов на исходные позиции, то есть туда, откуда враги начали свое наступление, но и сами прорвались вперед, побывали в фашистских окопах, посеяли страх и панику.

– «Черные дьяволы»!

– «Черная смерть»! – кричали опять фашисты.

Прославился смелостью батальон. Слава о героях прошла по фронту.

Как отдельная боевая единица батальон просуществовал всего два дня. Выполнил батальон свою боевую задачу, остановил врага, разошлись после этого матросы по разным соседним полкам и ротам. Создавался батальон срочно. Не успели поэтому присвоить ему ни номера, ни дать названия.

Сокрушался майор Шейкин:

– Как же так?! Как же без номера, без названия? Выходит, мол, части такой и вовсе в истории не было.

Зря сокрушался майор Шейкин.

Получил он свое название – *морской бесстрашный героический батальон*. Хоть и был он без номера, без звания и названия, а знает его история.

Волшебный клинок

Декабрь. Не утихают бои с фашистами. Все так же рвутся враги к Севастополю. Один из наиболее опасных участков севастопольской обороны в эти дни находился в районе за Бельбекской долиной.

Здесь, рядом с рекой Бельбек, сражались советские конники. Целая дивизия. Но не в конном строю. Мал здесь про-

стор для конницы. Спешились кавалеристы. Дрались, как пехотинцы.

Страшной была здесь схватка. Особенно 21 декабря. Отражая атаки фашистов, погиб командир полка отважный подполковник Леонид Георгиевич Калужский. Только узнали об этом в дивизии, как новая страшная весть: на поле боя убит командир дивизии полковник Филипп Федорович Кудюров.

Бьются советские конники. Сил не хватает, вот-вот не удержатся.

Отражать атаки фашистов кавалеристам помогала зенитная батарея младшего лейтенанта Николая Воробьева. Ловко сражались зенитчики. Из своих пушек били по фашистским танкам, по пехоте противника. Стреляли вдаль и прямой наводкой. Разили в цель и отсекали огнем противника – то есть огнем перекрывали фашистам путь.

Восхищались конники меткой стрельбой зенитчиков. В знак благодарности подарили они младшему лейтенанту Воробьеву кавалерийский клинок.

Кто-то сказал:

– Волшебный!

Принял подарок артиллерист. Решает, чем же ответить конникам.

– Залпом, залпом по фашистам, – подсказывают товарищи.

В это время фашисты как раз бросились в новую атаку.

Идут как стена, как лава.

Вскинул младший лейтенант Воробьев клинок.

– Огонь! – рубанул по воздуху.

Ударили зенитки. Метнули в фашистов сталь.

– Огонь! – снова кричит Воробьев.

И вновь клинок к небесам взлетает.

Еще быстрее теперь заработали артиллеристы. С новой силой бросились в бой и конники.

Отстояли герои свои позиции. Разгромили рвавшихся сюда фашистов.

Смотрит Воробьев на кавалерийский клинок. Согласен: клинок волшебный!

Учитель

До войны солдат Трубников был учителем. Русский язык преподавал в школе.

Под Севастополем Трубников сражался в стрелковой роте.

В дни декабрьского наступления фашистов, во время одного из боев, во фланг роте ударили две фашистские пушки. Били фашисты точно и большой урон наносили нашим.

Командир роты вызвал к себе группу бойцов. Среди них

оказался и Трубников.

Дал командир бойцам боевое задание: подобраться незаметно к фашистским пушкам и заставить их замолчать.

– Заткнуть им глотки! – кратко сказал командир.

– Ясно, – бойцы ответили.

– Понятно, – ответил Трубников.

В группе Трубников был за старшего. Взяли бойцы автоматы, патроны, гранаты. Отправились в путь солдаты.

Перебежками, шагом, ползком, рывком, прижимаясь к земле и скалам, подобрались солдаты к фашистским пушкам. Метнули гранаты, автоматный огонь открыли. Перебитой лежит прислуга.

Подбежали солдаты к пушкам:

– Давай гранаты.

Достали бойцы гранаты.

– Взрывай их, братцы!

На пушки смотрят:

– Заткнем им глотки!

– Минутку. Стойте, – сдержал бойцов Трубников.

Повернулись бойцы на голос.

– Зачем же пушкам вдруг быть немыми, – сказал, улыбнувшись солдатам, Трубников. – Научим лучше их русской речи.

Не сразу смекнули бойцы, в чем дело. Речь о какой здесь речи? И вдруг поняли. У пушек горы лежат снарядов. Зачем же гибнуть зазря снарядам!

Зарядили солдаты пушки.

Развернули солдаты пушки.

– Огонь! – скомандовал Трубников.

Ударили пушки туда – по фашистам. Взорвали округу могучим басом.

За выстрелом первым – второй и третий. За третьим – четвертый, шестой, десятый...

– Ну как – по-русски? – кричит Трубников.

– По-русски, по-русски, по-нашенски, – в ответ солдаты.

Заговорили по-русски фашистские пушки.

Возвращались солдаты в родную роту. Шагает со всеми Трубников.

– И вправду – учитель! – смеются солдаты.

Плеврит, бронхит

Севастополь – южный, конечно, город. Однако декабрь есть декабрь. И здесь в декабре морозно.

Оделись бойцы в шинели. В бушлатах своих матросы. Фашисты тоже в зимней военной форме.

И вдруг... Смотрят бойцы – атакуют фашисты в одних мундирах. Было это 28 декабря 1941 года. Отдан строжайший приказ фашистским солдатам взять в этот день наконец

Севастополь.

Смотрят наши бойцы на фашистов, гадают:

– Не завезли им, видать, шинелей.

Кто-то вставляет:

– Знают фашисты: жарко им будет в бою. Потому и шинели скинули.

И вот во время одной из атак группа бесшинельных фашистских солдат была взята нашими в плен. Стоят они, сутулятся, жмутся от страха, от ветра, от холода.

Наши бойцы к фашистам:

– Почему без шинелей?

– Не завезли вам, видать, шинелей.

– Из Италии, из Африки, что ли, сюда вы на помощь прибыли?

– Найн, найн (то есть «нет»), – говорят фашисты. – Имеем шинели. Положена каждому.

– Так где же шинели?

– Сдать приказали.

– Как приказали? Зачем приказали?

Оказывается, верно: был отдан такой приказ. Приказали фашистские генералы: сдать солдатам свои шинели.

– Получите в Севастополе, – объяснили фашистские офицеры своим солдатам, – и обед, и шинели.

– И обед?

– И шинели?

– Да, – говорят офицеры. – И ордена.

Были уверены фашисты, что их солдаты ворвутся в этот день в Севастополь. Чтобы лучше сражались, отняли у них шинели.

Рассмеялись советские бойцы. Смотрят они на фашистов.

– Да пока к Севастополю вы прорветесь, простуду, чахотку схватите.

– Насморк!

– Кашель!

– Плеврит!

– Бронхит!

И в этот день не прорвались враги в Севастополь. Не помогли и снятые шинели.

Особое задание

Задание было необычным. Называлось оно особым. Командир бригады морских пехотинцев полковник Горпищенко так и сказал:

– Задание необычное. Особое. – Потом переспросил: –

Понятно?

– Понятно, товарищ полковник, – ответил старшина-пехотинец – старший над группой разведчиков.

Был он вызван к полковнику один. Вернулся к своим товарищам. Выбрал в помощь двоих, сказал:

– Собирайтесь. Задание выпало нам особое. Однако что за особое, пока старшина не говорил. Дело было под новый, 1942 год. Ясно разведчикам: в такую-то ночь, конечно, задание сверхособое. Идут разведчики за старшиной, переговариваются:

– Может, налет на фашистский штаб?

– Бери выше, – улыбается старшина.

– Может, в плен генерала схватим?

– Выше, выше! – смеется старший. Переправились ночью разведчики на территорию, занятую фашистами, продвинулись вглубь. Идут осторожно, крадутись.

Опять разведчики:

– Может, мост, как партизаны, идем взрывать?

– Может, на фашистском аэродроме произведем диверсию?

Смотрят на старшего. Улыбается старший.

Ночь. Темнота. Немота. Глухота. Идут в фашистском тылу разведчики. Спускались с кручи. На гору лезли. Вступили в сосновый лес. Крымские сосны вцепились в камни. Запахло приятно хвоей. Детство солдаты вспомнили.

Подошел старшина к одной из сосенок. Обошел, посмот-

рел, даже ветви рукой пощупал.

– Хороша?

– Хороша, – говорят разведчики.

Увидел рядом другую.

– Эта лучше?

– Сдается, лучше, – кивнули разведчики.

– Пушиста?

– Пушиста.

– Стройна?

– Стройна!

– Что же – к делу, – сказал старшина. Достал топор и срубил сосенку. – Вот и все, – произнес старшина. Взвалил сосенку себе на плечи. – Вот и управились мы с заданием.

– Вот те и на-а! – вырвалось у разведчиков.

На следующий день разведчики были отпущены в город, на новогоднюю елку к детям в детский дошкольный подземный сад.

Стояла сосенка. Стройна. Пушиста. Висят на сосенке шары, гирлянды, разноцветные фонарики горят.

Вы спросите: почему же сосна, не елка? Не растут в тех широтах елки. Да и для того чтобы сосенку добыть, надо было к фашистам в тылы пробраться.

Не только здесь, но и на Корабельной стороне, и в Инкермане, да и в других местах Севастополя зажглись в тот нелегкий год для детей новогодние елки.

Видать, не только в бригаде морских пехотинцев у пол-

ковника Горпищенко, но и в других частях задание для разведчиков в ту предновогоднюю ночь было особым.

Ной Адамия

Не взяли враги в декабре Севастополь. Провалился и этот штурм. Продолжает сражаться город.

Фашистское орудие било по нашим. Пятеро фашистов здесь при орудии: один заряжает, второй стреляет, двое подносят снаряды, пятый – сам командир орудия.

Стреляет пушка.

– Огонь!

– Огонь!

Снова крикнул фашист:

– Огонь!

Однако не грянул выстрел. Посмотрел командир на пушку. Есть подносчики, есть заряжающий. А где же стреляющий?

Раскинул руки, у пушки лежит стреляющий. Над правой бровью от пули след.

Недолго на войне замешательство. Заряжающий стал стреляющим. Один из подносчиков стал заряжающим.

Снова стреляет пушка.

– Огонь!

– Огонь!

Снова крикнул фашист:

– Огонь!

Однако снова не грянул выстрел. Посмотрел командир на пушку. Есть подносчик. Есть заряжающий. А где же стреляющий?

Раскинул руки, у пушки лежит стреляющий. Над левой бровью от пули след.

Коротко на войне замешательство. Заряжающий стал и стреляющим: сам заряжает и сам стреляет. Снова в работе пушка.

– Огонь!

– Огонь!

Снова кричит офицер:

– Огонь!

Не отозвалась команде пушка. Посмотрел командир на орудие. В живых у пушки остался всего лишь один солдат. Прицелился этот один – последний, приготовился только к выстрелу, как тоже у пушки рухнул. А следом за ним и пятый – сам командир орудия.

Посмотрел из-за укрытия старшина Ной Адамия.

– Порядок! – сказал Адамия. Старшина Ной Адамия был снайпером. Это его работа.

...По извилистой крымской дороге едет фашистская штабная машина с открытым верхом. Пять человек в машине. Четверо из них – офицеры. Трое – сзади. Один – впереди. Важно сидит с водителем.

Трое – сзади. В центре – высокий. Ведет оживленную он беседу. То – слово к соседу слева, то – слово к соседу справа, то обратится к тому, кто важно сидит впереди с водителем.

Вот снова он повернулся к соседу справа. Глянул – ахнул: качнулся, осел сосед. Понимает высокий: убит сосед. Повернулся быстро к тому, что слева. И этот убит, что слева. Глянул вперед на того, что важно сидит с водителем. Видит: от пули качнулся важный. Еще секунда – и носом в баранку ткнулся и сам шофер.

– А-а-ай! – закричал высокий.

Вильнул автомобиль на крымской лихой дороге. Секунда – и с кручи как камень вниз.

Поднялся из-за придорожных камней снайпер старшина Ной Адамия.

– Порядок! – сказал Адамия.

Бывали дни, когда по десять, двадцать и даже тридцать фашистов сражал из своей винтовки прославленный Ной Адамия. Почти триста фашистов уничтожил Адамия под Севастополем.

За свой ратный подвиг Ной Адамия награжден высшей наградой Родины. Он стал Героем Советского Союза.

«Есть и будет!»

Разговорились как-то, сидя в окопе, солдаты о том, что у фашистов снарядов много.

– И мин.

– И бомб.

– И взрывчатки разной.

Действительно, не испытывали фашисты под Севастополем недостатка в боеприпасах.

– Много снарядов, много, – соглашался с другими солдат Репков. – Много. А все же – убавить можно.

Солдаты сразу с вопросом:

– Как?

– Можно, – подтверждает Репков. Однако, как же их убавить, не говорит.

Не терпится солдатам, гадают вопросами:

– Взрывать поезда со снарядами?

– Можно и так, – отвечает Репков. – А можно и по-другому.

– Топить корабли с боеприпасами?

– Можно и корабли на подходах топить, – соглашается Репков. – А можно и по-другому.

– Отбивать у фашистов склады?

– Можно и отбивать. А можно и вовсе иначе, – отвечает опять Репков.

Надоела солдатам загадка Репкова. Отстали они с вопросами.

Ночью Репков исчез из окопа. «Куда бы?», «зачем бы?» – гадают солдаты. Было это на участке севернее Севастополя. Пробрался солдат в соседний пустой овраг, выбрал склон, обращенный к фашистам. Стал в темноте возиться, что-то таскать к оврагу.

Когда рассвело, посмотрели солдаты, видят: по склону оврага из камней выложено два слова. Читают солдаты эти слова. А слова такие: «Смерть Гитлеру!»

Увидели слова и фашисты. Увидели, открыли ураганный огонь по оврагу. Грохотали, грохотали пушки. Разбили снаряды надпись.

Сосчитали наши бойцы, сколько снарядов фашисты потратили. Оказалось – 250.

– Ого-го! – покосились они на Репкова.

Ночью Репков снова пошел к оврагу. Восстановил солдат надпись. Рассвело. Надпись на старом месте.

Снова фашисты огонь открыли. Били, били, ревели пушки. Крошили снаряды надпись. Сосчитали снова наши бойцы, сколько снарядов враги потратили. Оказалось – 300.

Спускается вечер. Снова к оврагу спешит Репков.

– Разоришь ты фашистов! – смеются солдаты. – По миру босыми пустишь. – А сами удаче рады.

Не только здесь, на северной стороне, но и в других местах вокруг Севастополя стали появляться из камня надпи-

си. Расстреливали их фашисты из пушек, бомбили с воздуха. Однако надписи вновь восстанавливались.

Одна из них была особенно ненавистна фашистам. Была она выложена огромными трехметровыми буквами в самом городе, на крутом склоне Исторического бульвара. Далеко виднелась и с земли и с воздуха эта надпись. Вот ее слова: «Севастополь был, есть и будет советским!» Верная очень надпись.

Выходное платье

Было это еще до начала войны с фашистами. Кате Извековой подарили родители новое платье. Платье нарядное, шел-

ковое, выходное.

Не успела Катя обновить подарок. Грянула война. Осталось платье висеть в шкафу. Думала Катя: завершится война, вот и наденет она свое выходное платье.

Фашистские самолеты не переставая бомбили с воздуха Севастополь.

Под землю, в скалы ушел Севастополь.

Военные склады, штабы, школы, детские сады, госпитали, ремонтные мастерские, даже кинотеатр, даже парикмахерские – все это врезалось в камни, в горы.

Под землей организовали севастопольцы и два военных завода.

На одном из них и стала работать Катя Извекова. Завод выпускал минометы, мины, гранаты. Затем начал осваивать производство авиационных бомб для севастопольских летчиков.

Все нашлось в Севастополе для такого производства: и взрывчатка, и металл для корпуса, даже нашлись взрыватели. Нет лишь одного. Порох, с помощью которого подрывались бомбы, должен был засыпаться в мешочки, сшитые из натурального шелка.

Стали разыскивать шелк для мешочков. Обратились на различные склады.

На один:

– Нет натурального шелка.

На второй:

– Нет натурального шелка.

Ходили на третий, четвертый, пятый.

Нет нигде натурального шелка.

И вдруг... Является Катя. Спрашивают у Кати:

– Ну что – нашла?

– Нашла, – отвечает Катя.

Верно, в руках у девушки сверток.

Развернули Катин сверток. Смотрят: в свертке – платье.

То самое. Выходное. Из натурального шелка.

– Вот так Катя!

– Спасибо, Катя!

Разрезали на заводе Катино платье. Сшили мешочки. Засыпали порох. Вложили мешочки в бомбы. Отправили бомбы к летчикам на аэродром.

Вслед за Катей и другие работницы принесли на завод свои выходные платья. Нет теперь перебоев в работе завода. За бомбой готова бомба.

Поднимаются летчики в небо. Точно бомбы ложатся в цель.

Птицу в полете схватят

Разведчики. Здесь, под Севастополем, много их, лихих и отважных. Если надо, со дна морского иглу достанут, птицу в полете руками схватят.

Разведчики, матросы Ноздрачев, Поляков и Митрохин, получили задание пленить штабного фашистского офицера. Советским командирам надо было срочно узнать о по-

следних фашистских приказов.

Отправились в путь разведчики. Сидели в засадах, выходили к дорогам. Не попадается им офицер из штаба.

Подумал Ноздрачев: «Где лучше всего искать штабного офицера?» И тут же себе ответил: «Конечно, в самом же фашистском штабе». Обратился к друзьям по разведке:

– А что, если к фашистам в штаб?

– Ну что же, – сказал Поляков.

– Рискнем, – поддержал Митрохин.

Дождались разведчики ночи. Подкрались к фашистскому штабу. Осторожно, без шума убрали охрану. Тихо, пустынно в штабе. Дежурный офицер, развалившись на стуле, дремлет. Вот она спит, удача!

Сейф железный стоит в углу. Вот они где, приказы!

– Гутен морген, с добрым утром! – толкнул Ноздрачев фашистского офицера.

Открыл тот глаза. Не понял, в чем дело.

«Гутен морген», – хотел сказать. Вдруг видит: люди в советской военной форме.

– Руки вверх! – прокричал Ноздрачев.

Заморгал офицер. Отскочила, словно чужая, челюсть.

– Руки вверх! – повторил Ноздрачев.

Рванулся офицер к пистолету. Но в ту же секунду разведчики скрутили фашисту руки. Довольны матросы. В руках добыча.

Показал Ноздрачев офицеру на сейф. Потребовал ключ у

фашиста.

Заикается тот, отвечает: мол, нет ключа, у начальства ключ.

Проверили разведчики у офицера карманы. Верно, нет у него ключа.

Как же быть? Может, гранатой сейф подорвать? Может, попробовать стукнуть ломом?

– Не то, не то, – понимает Ноздрачев. Смерть для разведчика, если – с шумом.

Жаль уходить, не открывши сейф. Ясно: именно там приказы.

Посмотрел Ноздрачев на Митрохина, на Полякова. Подошел к железу. Плечом попробовал. Поднажал. Сейф тяжелый. Однако сдвинулся. Поманил Ноздрачев Полякова, Митрохина:

– А ну с огоньком, ребята.

Подхватили матросы сейф. Потасили, кряхтя под ношей.

– Вперед! – скомандовал Ноздрачев фашистскому офицеру.

Тащили, тащили металл солдаты, а затем решили: пусть-ка добычу фашист несет. Ввалили тяжесть ему на плечи. Помогают, конечно, и сами. Сейф тяжелый, фашист пыхтит.

– Выше голову, выше! Шаг шире! – командует Ноздрачев.

Так и явились они к своим.

– «Язык» с «приданным», «язык» с «приданным»! – смеялись, встречая бойцов, солдаты.

Не зря тащили разведчики сейф, молодцы, что в пути не бросили. Когда вскрыли, оказалось – важнейшие в нем бумаги.

Смел, находчив матрос Ноздрачев. Да не только Ноздрачев.

Под Севастополем много лихих разведчиков. Волончук, Калинин, Филин, бесстрашная девушка Ольга Химич... Поручай им любое задание. Надо – птицу в полете руками схватят. Надо – с неба ночную звезду достанут.

Иван Голубец

Дальнобойная фашистская артиллерия стреляла по Севастополю. Один из снарядов пронесся над Стрелецкой бухтой, упал и разорвался на палубе сторожевого катера. Осколок снаряда пробил бензиновый бак. Вспыхнул пожар на ка-

тере.

Не один этот катер стоял в это время в Стрелецкой бухте. Рядом – другие военные корабли.

Страшен, конечно, пожар на катере. Но еще страшнее было другое. На сторожевом катере находились глубинные бомбы. Взорвутся бомбы. Разнесут не только сам катер, но и стоящие рядом военные корабли и военные объекты на берегу.

Первым пожар на катере заметил старший матрос комсомолец Иван Голубец.

«Немедленно сбросить в море бомбы, сбросить глубинные бомбы», – заработала тревожная мысль у матроса.

Сбросить бомбы – это значит нажать на рычаги, и сбрасыватели сами, быстро и без твоих усилий освободят катер от опасного груза.

Сбросить бомбы – дело одной минуты.

Бросился Голубец на катер. Пробился сквозь огонь. Подбежал к рычагам сбрасывателей. Ухватился. Нажал. Вот сейчас рухнут бомбы.

Не сдвинулись бомбы. Лежат на месте.

Еще сильнее потянул за рычаги Голубец. Напрягся в три человеческие силы.

Бомбы лежат на месте.

Ясно теперь Голубцу: повреждены от взрыва на катере бомбосбрасыватели.

Сильнее, сильнее пожар на катере.

«Беги, беги», – что-то шепнуло матросу.

«Останься», – что-то затем сказало.

Остался Иван Голубец на палубе. Подбежал он к одной из глубинных бомб. Схватил, поднатужился. Дотащил до борта. Рухнула бомба в воду.

Бросился к новой бомбе. Вот и эта летит за борт.

Бомбы на катере разных размеров. Выбирает Голубец те из них, которые больше других, крупнее других, опаснее.

К третьей бомбе спешит матрос, к пятой, седьмой, десятой.

Все ближе, все ближе к матросу пламя. Накалился, как печка, как домна, катер.

– Быстрее, быстрее! – торопит себя Голубец.

Вот последние бомбы лежат на катере. Минута, вторая – и эти уйдут за борт.

Схватился Иван Голубец за новую бомбу. Поднял, и в это время грянул на катере взрыв. Эхом, как плачем, ответила бухта.

Погиб комсомолец Иван Голубец.

Погиб, однако успел сбросить в море самые крупные, самые опасные бомбы, уберег от взрыва соседние корабли и военные объекты на берегу.

В Севастополе, там, у моря, в Стрелецкой бухте, нынче – памятник Голубцу.

Новое оружие

200 дней уже держится Севастополь.

На одном из участков Севастопольской обороны наши позиции проходили по Телеграфной горе. Справа и слева – наши, внизу под горой – фашисты. Хорошее место для обороны: скалы кругом, вершина с крутыми склонами.

Одно неудобство: фашисты все время обстреливают высо-

ту. Откуда ведут огонь – не всегда известно. Не знают наши, куда ответить. Скрыли, замаскировали фашисты свои огневые точки. Ходят в тылы разведчики. Да и тут не всегда удача.

Среди защитников Телеграфной горы был старший лейтенант Алиев. Командовал Алиев стрелковой ротой.

– Узнаем, где огневые точки, – как-то сказал артиллеристам Алиев.

Смеются артиллеристы, не очень верят:

– Давай, давай, помогай, пехота.

Раскрыли пехотинцы огневые точки врага. Вот как случилось это.

Была ночь. Сидят под горой фашисты. Смотрят на гору, следят за склонами. Притихла кругом стрельба. И все же даже ночью нет на войне покоя. То там огонь. То здесь огонь. Ползут зловеще ночные шорохи.

Смотрят фашисты на гору, на темное небо, на звезды, и вдруг вспыхнуло что-то там на вершине. Метнулось пожаром. Огненным шаром обрушилось вниз.

Несется с вершины огонь, как лава. Грохот громом разит округу.

Все ниже, все ниже поток смертельный. Заметались фашисты. Бегут из окопов.

– Оружие новое!

– Новое!

– Новое!

Докатился огонь до основы горы, сюда, к самым фашистским траншеям. Раздался взрыв. Брызнул огонь в окопы горящей пеной.

Замерло все у фашистов. Прошла минута, и вот открыли по Телеграфной горе фашисты стрельбу из всех орудий.

А нашим только того и надо. Засекли советские наблюдатели вражеские батареи.

Что же придумал такое Алиев?

Все просто. Несложно. Нужна лишь гора для этого.

Приказал он солдатам притащить на вершину горы железную бочку.

Притащили.

Приказал начинить ее порохом.

Начинили.

Приказал обмотать бочку бикфордовым шнуром.

Обмотали.

Распорядился облить бензином.

Облили.

– Поджигай! – скомандовал Алиев.

Подожгли.

– Толкай с горы!

Помчалась вниз она огненным шаром.

Нескоро забыли фашисты взрыв. Никто не верил, что это бочка.

– Оружие новое!

– Новое!

– Новое! – долго шептались еще фашисты.

Рыба севастопольского улова

Море рядом с Севастополем у Херсонеса, Качи и Балаклавы богато кефалью. Кефаль – рыба вкусная.

Севастопольские рыбаки с давних пор славились богатыми уловами.

Оборвались теперь уловы. Море у Севастополя стало районом военных действий.

Всюду на море мины – наши, фашистские. Всяду – огонь по морю. Запретили рыбакам отплывать от берега. Даже кто-

то из расторопных военных хозяйственников приспособил рыбацкие сети для маскировки своих хозяйственных складов.

Возмутились севастопольские рыбаки:

– Сети – для складов!

– Нас – как в ловушку!

Отвечают хозяйственники:

– Все равно вас в море никто под огонь не выпустит. Однако севастопольские рыбаки издавна были людьми упорными. Обратились они к командующему Приморской армией, оборонявшей Севастополь, генералу Ивану Ефимовичу Петрову.

– Война же, – сказал Петров.

– Понятно, – отвечают рыбаки.

– Там же мины, – сказал Петров.

– А мы между минами, – отвечают севастопольские рыбаки.

– Там же огонь. И наши стреляют. И фашисты стреляют.

– А мы между стрельбами, – отвечают с хитринкой севастопольские рыбаки.

Уговорили они Петрова. Дал генерал им свое согласие. Вернули рыбакам рыбацкие сети.

Атаковали теперь рыбаки командующего Черноморским военным флотом, адмирала Филиппа Сергеевича Октябрьского.

– Война же, – сказал Октябрьский.

– Понятно, – отвечают рыбаки.

– Там же мины, – сказал Октябрьский.

– А мы между минами, – опять о своем севастопольские рыбаки.

– Там же огонь. Сильнейший огонь, – говорит Октябрьский.

– А мы между стрельбами.

Уговорили все же они и Октябрьского. Дал адмирал разрешение. Стали морские сторожевые посты выпускать рыбаков на рыбную ловлю в море.

Непростой оказалась ловля. Начали фашистские летчики охотиться за советскими рыбаками. Выйдут рыбацкие лодки в море. Появляются в небе фашисты-стервятники.

Но не боялись севастопольские рыбаки этих воздушных пиратских атак. Знали: нужна Севастополю рыба.

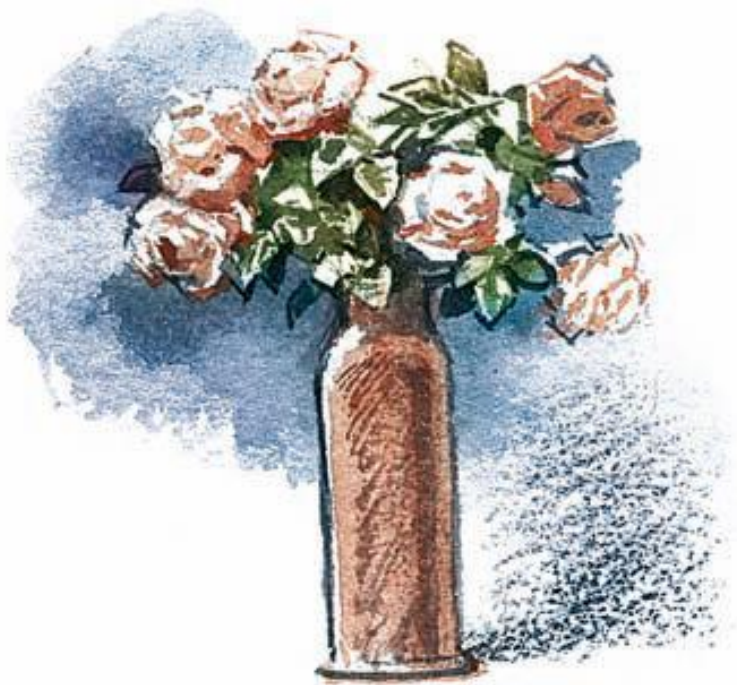
Часто на помощь рыбакам приходили советские летчики.

Тянут рыбаки на море свои сети, а в это время в воздухе над этим местом баражируют, то есть кружат, советские самолеты, не подпускают фашистов к рыбацким лодкам.

Приметили в Севастополе: если над морем у Качи, у Херсонеса, у Балаклавы висят самолеты, значит, там рыбаки, значит, будет в городе свежая рыба – рыба нелегкого севастопольского улова.

Вещественное доказательство

Севастополь – удивительный город. Рядом идет война. Каждый день бомбят фашисты, обстреливают город, а город не только воюет – работает, учится. Даже, как в мирные дни, улицы подметают в городе. На бульварах цветы высаживают.

– Цветы? Подождут цветы!

– Нет! – отвечают в городе.

Апрель. Зацвело, зазеленело кругом в Севастополе. За-трепетало весной и нежностью.

Дивизионный комиссар Иван Филиппович Чухнов – член Военного совета Приморской армии – в один из весенних дней 1942 года выехал к бойцам на передовую. Приехал. А тут авиационный налет. Отбомбились фашисты, а затем полетели с неба листовки. Сбрасывали фашисты такие листовки на наши передовые позиции и раньше. Чего они в них только не писали!

«Севастополь снесен с лица земли», – читает комиссар Чухнов в одной из листовок. «Севастополь пуст и мертв», – читает в другой листовке. «Защищать в Севастополе больше некого», – читает комиссар в третьей. Врали фашисты в своих листовках. Пытались на наших солдат воздействовать.

Посмотрел Чухнов на листовки. Повертел их и так и этак. Покачал головой. Про себя ругнулся. Потом посмотрел на солдат. Ожидает, что же солдаты скажут.

– Бросают, – сказали солдаты.

– Читаем, – сказали солдаты.

– Брехня! – заявили солдаты.

Засмеялся Чухнов:

– Брехня?

– Так точно, товарищ дивизионный комиссар. Как же так: «Защищать в Севастополе больше некого», как же так: «Се-

вастополь мертв»? А у нас вот другие данные.

И тут же один из солдат к Чухнову:

– Товарищ дивизионный комиссар, просим вас на минуту зайти к нам в землянку.

Направился Чухнов к землянке. Пригнулся слегка при входе. Перешагнул порог. Выпрямился. Глянул. Да так и застыл у порога. В землянке на простом, сколоченном из досок столе стояла большая оружейная гильза.

А в гильзе... А в гильзе... В гильзе стояли цветы. Розы. Майские. Пышные. Алые.

– Розы, – проговорил комиссар. Подошел. Все как-то не веря, что это розы, потрогал, понюхал. – Розы!

– Из Севастополя, – кто-то сказал из солдат.

– С Приморского бульвара, – сказал, уточнив, второй.

– От наших шефов, – добавил третий.

Оказалось, что шефы – девушки, комсомолки из севастопольской пошивочной мастерской.

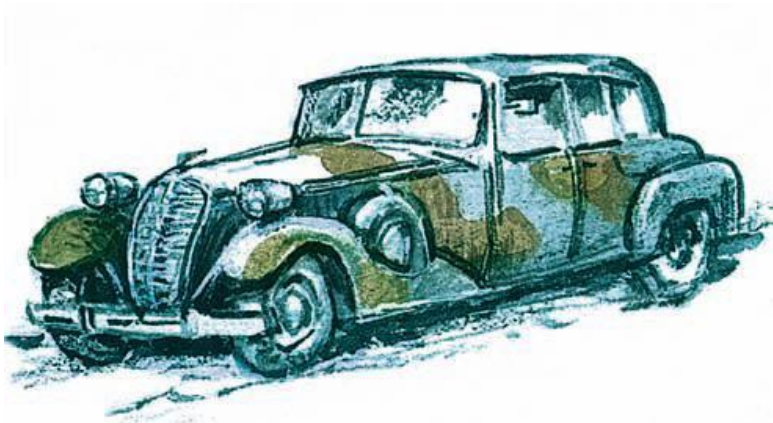
Посмотрел Чухнов еще раз на розы:

– Значит, жив, не разбит Севастополь. Доказательство, вижу, у вас убедительное.

– Вещественное, – кто-то сказал из бойцов.

«Крокодил»

Откуда ее раздобыли – толком никто не знал. Одни уверяли: было это еще до Крыма. Другие: уже в Крыму. Мол, подобрали на крымских дорогах. Лежала она на боку в кювете. Оттуда сюда в Севастополь и притащили машину волоком.

Автомашина марки «ЗИС-101» была не частым в те годы явлением. Лучшей считалась маркой. Мотор у машины мощный. Кузов вместительный, длинный. Отличный ход. Отремонтировали, восстановили черноморцы автомашину. Маскировочной краской покрыли – в зеленый и черный цвета.

Как крокодил, получилась на вид машина. «Крокодилом»

ее и прозвали.

Попал «крокодил» в бригаду морских пехотинцев к полковнику Евгению Ивановичу Жидилову. Стал он затем генералом.

Не знал усталости «крокодил». Носился по батальонам, по ротам, то в штаб, то из штаба, то к начальству, то от начальства, то в Севастополь в тыловые части бригады, то на командный пункт.

Привык «крокодил» к бригаде. И в бригаде как свой пришелся. Полюбили его солдаты:

– Привет, «крокодил»!

– Как дела, «крокодил»?

– Что там нового слышно в штабе?

Оказалась машина на редкость выносливой. А главное, был «крокодил» удачливым. Фашистские самолеты за ним гонялись. Открывали огонь фашистские минометчики. Не вспомнишь здесь всех историй. Как-то зимой застрял «крокодил» в снегу. Сразу же появился фашистский летчик. Не уйдешь, «крокодил»! В руках «крокодил»! Стал летчик делать над машиной боевые заходы, бросал бомбы, входил в пике. Патроны все до единого расстрелял. Цел «крокодил», как новенький. Хоть бы одна царапина!

Затем, по весне, снова застрял «крокодил». Распутица. Буксует машина. Ни с места! Схватила колеса весенняя хлябь. Взяла машину в прицел фашистская артиллерия. Открыли пушки по ней огонь. Укрылись Жидилов и шофер ря-

дом в глубоком окопе. Машина, словно на полигоне, стоит на открытом месте.

Солдаты, что были в окопе, считают взрывы. Считает шофер. Считает и сам Жидилов. Десять, двадцать, сорок, сорок четыре. Сорок четыре снаряда – и все в «крокодила». Прощай, боевой товарищ!

Стих огонь. Поднялись бойцы из окопа. Смотрят – глазам не верят. Цел, невредим «крокодил» – хоть бы одна занозина!

Бывало, конечно, всякое. Война есть война. Боец есть боец. И «крокодил» получал ранения. Ходил в «повязках», ложился в «госпиталь». Вновь автомобильные мастера возвращали машину к жизни.

Честно нес службу свою «крокодил». Как равный в строю отважных.

Не стало его случайно. Погиб от фашистской бомбы. Стоял у штаба. Дремал без дела. Ударила бомба прямым попаданием. Был «крокодил» – и нет.

Не скоро забыли бойцы машину. Часто вспоминали отважный «ЗИС-101». Так и во всем бывает. Честно прошел по жизни – долго хранится след.

Улица Пьянзина

Июнь 1942 года. Фашисты начали новое, третье по счету, самое мощное наступление на Севастополь.

Свой главный удар враги направили на северную часть города.

Днем и ночью здесь грохотали пушки. Не щадили фашисты своих солдат.

На одном из участков фашистского наступления, у станции Мекензиевые Горы, в обороне стояли артиллеристы-зенитчики под командованием старшего лейтенанта Ивана Семеновича Пьянзина. На них и на их соседей по обороне и обрушился грозный удар врага.

Не пробилась сюда пехота. Бросили фашисты в наступление танки и самолеты.

– Земля! – кричал Пьянзин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.